

[Главная](#) > Андре Маркович: Русский переводчик, пишущий по-французски

Андре Маркович: Русский переводчик, пишущий по-французски|André Markowicz: Un traducteur russe, qui écrit en français

Автор: Надежда Сикорская, Женева, 13. 06. 2012.

Переводчик русской литературы Андре Маркович (© Nasha Gazeta.ch)

В женевском книжном магазине Rameau d'Or один из самых активных проводников русской литературы во франкоязычный мир рассказывал о Достоевском, Пушкине и сложности перехода из одной культуры в другую. |

Le traducteur André Marcowicz, un des plus actif intermédiaires de la culture russe dans le monde francophone, a parlé à la librairie Rameau d'Or de Dostoïevski, Pouchkine et des difficultés de

transition entre les cultures.

За спиной этого хрупкого на вид человека титанический труд: им переведено около восьмидесяти книг русских авторов 19 и 20 веков, от Пушкина до Бродского. Отдельное место занимает (и отдельного памятника заслуживает) новый перевод ВСЕХ романов и повестей Достоевского, вышедших в издательстве Actes Sud, и завершённый в 2005 году перевод «Евгения Онегина» Пушкина, над которым, по его собственным словам, он «работал всю жизнь». В 2007 году в том же издательстве вышел новый перевод Марковича «Петербургских повестей» Гоголя – в той последовательности, на которой настаивал сам автор.

Любовь к театру и желание поделиться ею с окружающими подвигли его на перевод более шестидесяти пьес русского репертуара – как всемирно известных, так и вовсе не известных за пределами России, а то и подзабытых в ней самой. Благодаря Марковичу и его верному партнеру Франсуазе Морван перед франкоязычной публикой широко распахнулись двери в театральный мир Пушкина, Лермонтова, Сухово-Кобылина, Островского, Гоголя, Чехова, Андреева, Горького, Эрдмана, Шварца, Введенского... Четыре постановки, в которых Андре Маркович участвовал как переводчик, в последние годы смогли увидеть и швейцарские театралы, это «Дачники» Горького, «Платонов» и «Дядя Ваня» Чехова и «Самоубийца» Эрдмана.

При этом в России он бывает редко, а интервью, которое мы смогли взять до начала встречи с женевскими книголюбями, ставшей для Марковича паузой в репетициях в Страсбурге, станет первым в русском Интернете.

Наша Газета.ch: Андре, Вы столько сделали для русской культуры, а известно про Вас крайне мало. Как получилось, например, что родились Вы в Праге, а первые четыре года жизни провели в Москве?

Андре Маркович: Неужели моя личная жизнь кому-то интересна?! Ну, хорошо: я

родился у папы - польского еврея и мамы - еврейки ленинградской. Так что русский – мой родной, материнский язык. И Прага, и Москва оказались в моей биографии в связи с папиной работой.

Вы приехали в Женеву из Страсбурга. Над чем Вы там работаете?

Над постановкой в Национальном театре Страсбурга «Евгения Онегина». В июле этот

спектакль будет показан на Фестивале в Авиньоне, а параллельно на главной фестивальной площадке, Cours d'Honneur, будет идти «Чайка», тоже в моем переводе.

Всегда ли Вы довольны тем, что возникает на сцене в результате Вашего перевода?

Нет, не всегда, но о неудачных с моей точки зрения спектаклях я Вам не скажу. Зато могу сказать, что меня всегда радует то, что делает режиссер Ален Франсон, давно ставший близким другом.

А в чем заключается Ваше участие в постановке?

В прочтении с актерами текста, в попытках проникнуть в суть авторской идеи, понять непонятное. Иногда я читаю по-русски, чтобы донести звучание оригинала, своеобразные русские интонации.

Многие мои франкоязычные знакомые жалуются на качество переводов русской литературы. Очевидно, какая-то проблема действительно существует, иначе как объяснить, почему интеллигентные начитанные люди напрочь не понимают ни «Мастера и Маргариту», ни «Двенадцать стульев», а уж о поэзии я и не говорю. Сами же французы в качестве образца перевода обычно цитируют Бодлера и Эдгара По. Но и только.

Конечно, проблема существует, и огромная! Что касается поэзии, то дело в том, что во Франции не существует традиции поэтического перевода. Как известно, французы изобрели александрийский стих – синоним неподвижности, постоянства, вечности. С его утверждением исчезли поэтические переводы: стихи, написанные на иностранном языке, переводятся на французский в прозе, а стихотворная форма существует только для французской поэзии. Иными словами, вся переводная поэзия остается вне литературы. Даже Виктор Гюго, на смерть которого Малларме написал, что «умер стих», в предисловии к переводам Шекспира, сделанным его сыном Франсуа, ни слова не написал о стихе.

В книжном магазине Rameau d'Or (© Nasha Gazeta.ch)

Мой язык – французский, но слух и культура – русские... Для меня было бы честью считаться русским переводчиком, пишущим по-французски С переводом прозы проблема в другом, в том, что многие переводчики стремятся «облегчить жизнь читателю» и берутся упрощать текст, объясняя написанное. Но ведь тогда не понятно, что же ты читаешь? Вот только один пример из Достоевского – слово «убивец», встречающееся в «Преступлении и наказании». Конечно, можно перевести его как «assasin», то есть обычный «убийца». Но разве это имел в виду Достоевский?! Впрочем, об этом можно долго рассуждать.

Возвращаясь на секунду к поэзии, замечу, что ведь и перевод Эдгара По Бодлером осуществлен в прозе, даже знаменитое стихотворение «Ворон», все построенное на рифме к «nevermore». И также поступил Малларме. А уж наверное оба они знали, что такое звук в поэзии! И если они так поступили, то надо с этим считаться. Иностранная поэзия на французском не воспринимается, это факт. В России же все наоборот.

Это точно! До такой степени, что некоторые всерьез утверждают, например, что Шекспир в переводе Пастернака – лучше оригинала.

Пастернак и Верлена прекрасно переводил. Вот только у Рамбо нет достойного перевода на

русский, а ведь по влиянию на французский язык он сравним с Пушкиным и его влиянием на русский!

Вообще же, в России существует великая школа перевода! В какой-то мере отношу себя к ее воспитанникам и я, ведь я учился в Париже у замечательного профессионала Ефима Эткинда. Наверно, можно сказать, что

С чего начался Ваш эпический труд над переводом романов Достоевского? Как вообще Вы решились за это взяться?

Знаете, в СССР была одна прекрасная традиция – издание полных собраний сочинений писателей, в одинаковых твердых элегантных переплетах. Некоторые исследователи посвящают всю жизнь работе над такими академическими изданиями – Достоевского, Чехова, Толстого – восстанавливая каждое слово, сравнивая различные существующие варианты текстов. Мне очень импонирует такой подход, и я очень хотел получить возможность применить его во Франции, создав у читателя, с помощью издателя, ощущения сообщничества, причастности к процессу, ведя его от сочинения к сочинению, от тома к тому, пока он не забудет, что читает перевод.

Но для советских издателей коммерческий успех не был приоритетом, а в условиях рыночной экономики все по-другому.

Это правда, а потому я не устаю повторять, как мне сказочно повезло встретить в 1989 году Юбера Ниссена, создателя издательства Actes du Sud – увы, в ноябре прошлого года его не стало. Я, тогда еще совсем молодой переводчик, не постеснялся подать ему список из сотни названий, сказав, что хотел бы всех их перевести. И представьте себе, он согласился! Я начал с Достоевского.

Существует запись мастер-класса, проведенного Вами в 2009 году в Ясной Поляне. Вы подчеркнули тогда, что ошибочно говорить о переводе Вами «всего Достоевского», так как Вы сознательно отказались от перевода некоторых его сочинений.

Да, я принципиально отказался переводить его статьи антисемитского содержания и прочая, мне это было неприятно.

Значит ли это, что гений и злодейство совместимы?

Эту фразу говорит не Пушкин. Вспомните, ведь Сальери очень любил музыку, занимался ею крайне серьезно. С его точки зрения, существование Моцарта – несправедливость, несправедливость Бога. «Моцарт и Сальери» – раздумье о Боге, о правде в русском понимании этого слова. Сальери намеренно убивает в Моцарте Бога, так как такого несправедливого Бога он не может принять – как не может принять его Иван Карамазов.

Чем отвечает Моцарт? Улыбкой! Улыбкой ребенка – самым страшным оружием, которому нечего противопоставить. Конечно, здесь прямая параллель со «слезой ребенка» у Достоевского...

Перевод Достоевского стал первым циклом намеченных мною работ.

После чего Вы перешли к театру.

Да, и вновь в результате фантастического везения, по-французски это называется шанс рогоносца. Всему виной – два первых полученных мною заказа. Мне еще не было 30 лет, когда легендарный Антуан Витез заказал мне перевод «Ревизора» для Comédie Française. Можете себе представить? Я начал работать и ... открыл для себя совершенно особый жанр, жанр русской комедии, который, конечно, перекликается с комедией нравов, но обладает совершенно особенными характеристиками. Я называю этот жанр административной комедией, в центре которой – страх перед механизмом, системой, а внешние признаки – характерный язык и смесь различных банальных ситуаций. Но эти банальности-перевертыши очень трудно переводить. Помните, например, как при осмотре больниц Земляника объясняет Хлестакову, что «больные выздоравливают как мухи». Зощенко пользовался такими перифразами постоянно!

Второй заказ поступил от не менее известного режиссера Жоржа Лавондана, заказавшего перевод чеховского «Платонова» для городского театра Ниццы. Помню, как я удивился, что такой хороший режиссер интересуется таким занудством!

И только уже закончив перевод и придя на репетицию, я понял, что мой текст – смешной. Читать его скучно, но актеры его преображают! Тогда вместе с Франсуазой Морван мы взялись за перевод Чехова.

Андре Маркович говорит о Пушкине (© Nasha Gazeta.ch)

Перевод «Онегина» – самое важное, что я сделал в жизни, я вложил в него всего себя. Проблема же не в самом переводе, а в том – что русские верят Пушкина безоговорочно, а французы – не верят. Моя работа заключалась в том, чтобы заставить их поверить Пушкину!

А Франсуаза тоже владеет русским?

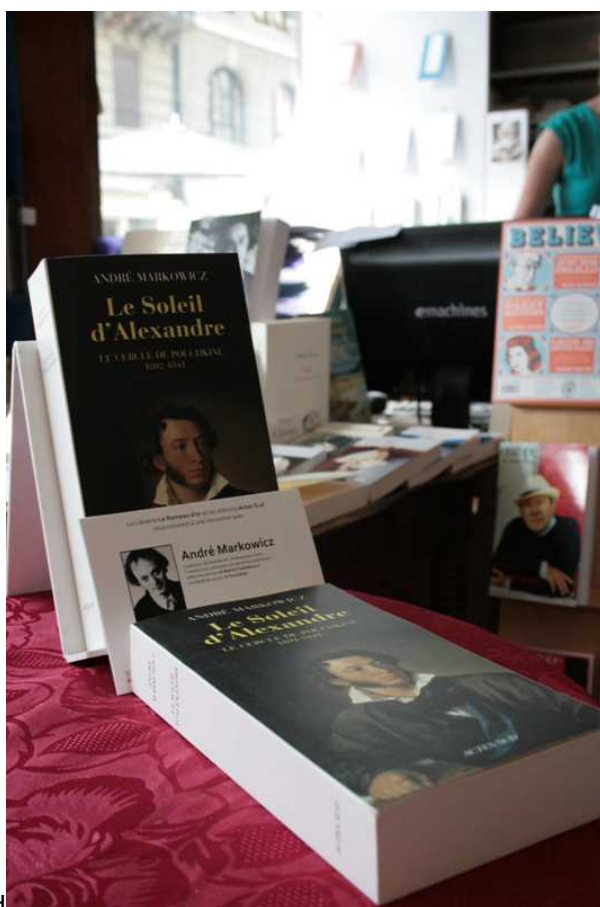
Нет, но она понимает мир Чехова и задает правильные вопросы, заостряя внимание на деталях, которые мне кажутся понятными или незначительными, а ей – нет. Чаще всего она оказывается права. Вот помните, крик птицы в «Вишневом саду»? Сколько же мы намучались, определяя, что это за птица! А это было очень важно, ведь у Чехова природа оживает – в отличие от Достоевского, у которого дерево это дерево, и все. У Чехова же пела птица бугай, которую все слышат, но никто не видит. Крик ее ужасающий, в нем звук пустого дома, туберкулеза, больных легких. Но когда Немирович-Данченко, проявлявший максимальное уважение к автору при постановке пьесы, попросил Чехова пояснить, то ответил: «Все написано».

Ох, не хочется расставаться с Чеховым, но все же пора переходить к Пушкину.

Перевод Пушкина – это дело всей жизни. В русской литературе «Евгений Онегин» – это ведь не книга, это воздух, которым люди дышат. Моя мама знает практически всего «Онегина» наизусть. Она выучила его в блокадном Ленинграде, и пока ее вместе с другими детьми везли в эвакуацию, она успокаивала плакавших, читая им наизусть Пушкина. А ведь ей самой было всего восемь лет! Одна медсестра так была растрогана, что подарила ей свой томик «Онегина», и мама с ним почти не расставалась, пока его не украли в Неаполе. Когда же я гордо принес ей свой перевод, она сказала лишь: «Ну, спасибо».

Впрочем, я не оригинален, у любого русского есть своя история с Пушкиным. У меня бывает ощущение, что я тоже его выучил еще до рождения. Когда мне было 18 лет, Ефим Эткинд показал мне французский перевод «Онегина», сделанный в 1902 году, и я тогда же решил, что сделаю свою версию. Но и тогда, и в 25 лет я понимал, что не могу, а потом наступил день, и я понял – могу!

Перевод «Онегина» – самое важное, что я сделал в жизни, я вложил в него всего себя. Проблема же не в самом переводе, а в том, что русские верят Пушкину безоговорочно, а французы – не верят. Моя работа заключалась в том, чтобы заставить их поверить Пушкину!

Но и на этом Вы не остановились, а взяли за целое поколение русских поэтов.

Да, потому что это поколение, как писал Мандельштам в 1917 году, когда на его глазах рушился весь привычный мир, было озарено «солнцем Александра», который оставался одной из немногих не рухнувших святынь.

Издательство Actes Sud издает крайне мало поэзии. И, тем не менее, они согласились издать эту [книгу](#), приняв ее как роман. Согласились издать не просто неизвестные во Франции

сочинения, но сочинения совершенно неизвестных авторов: Баратынского, Батюшкова, Кюхельбекера и так далее. То есть лучших представителей поколения, которое я ограничил 1841-м годом, годом смерти Лермонтова.

В этом прекрасном издании очень много рисунков, от чего оно напоминает один из столь модных в 19 веке альбомов...

Совершенно верно, и этим оно мне особенно дорого! Дело в том, что все поэты того поколения, причем некоторые, как, например, Жуковский или Лермонтов, занимались живописью на вполне профессиональном уровне. Пушкин же нарисовал почти всех своих сверстников, так в этой книге есть и портреты, и автопортреты – самого себя в 36 лет он видел старой обезьяной. Есть тут и двойной портрет Пушкина, выполненный Гоголем...

И как Вам кажется, французы Пушкина поняли?

Думаю, да. Ведь язык Пушкина – это не просто русский, это язык памяти, причем опять же не русской, а сборной памяти всей эпохи.

Солнце Пушкина засияло по-французски (© Nasha Gazeta.ch)

От редакции: Прочитанное Вами интервью - первое в русском Интернете. Зато нашлась любительская запись его мастер-класса в Ясной Поляне в 2009 году. Предлагаем ее вашему вниманию и уверяем - вы не пожалеете о потраченном времени.

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
